

ПРИЕЗЖИЙ напрасно разыскивал Балакшеева.

— Михаил Александрович на концерте.

— Как? Днем?

— Он выступает в любое время суток.

— Выступает? Но, позвольте, он никогда не был артистом.

— Что вы? Он же тарифицирован как мастер художественного слова высшей категории.

Удивленный приезжий помчался в концертный зал. Ему надо было сегодня же повидать начальника внутрисюжного отдела Госконцерта СССР Михаила Александровича Балакшеева. У гостя с периферии был уже в кармане билет на ночной поезд...

Глава внутрисюжного отдела муз и граций послал на места такие путаные планы, что разобраться в них не мог весь штатный и внештатный состав периферийной филармонии. Периферия нетерпеливо вызывала: «Автора, автора!» Представитель ринулся в Москву.

И вот, как на зло, в самую критическую для судеб отдаленной филармонии минуту Балакшеев покинул руководящий пост, чтобы срочно внести свой вклад в сокровищницу искусства.

...На сцене отзвучали последние аккорды скрипки. И вот вышел сам Михаил Александрович Балакшеев. Лик его был томен и мрачен. Поглядев в первые ряды партера, он угрюмо произнес: «Ария Баттерфляй из оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй», будто хотел переложить всю ответственность за страдания героини на публику.

В другой приезжий гость спросил работников Госконцерта, почему они так странно подшутили над ним. Какой же Балакшеев мастер художественного слова, если он просто объявляет концертные номера.

— Он ведущий, — последовал ответ. И тут же наивному провинциалу растолковали, в чем заключается ведущая роль Михаила Александровича в искусстве. За оглашение очередных номеров он, единственный из ведущих, получает ставку мастера художественного слова высшей категории — 150 рублей за выступление. Приезжий прикинул: ежели разложить эту сумму на количество слов, получается очень недурно. На концерте камерного оркестра он, к примеру, вымолвил собственноручно ровно пятьдесят слов, прочитав по программе название номеров. А получил за это не меньше, чем если бы был известным поэтом и увековечил фамилии артистов в звучных стихах.

Тут было о чем поразмыслить. Но, Балакшеев, Балакшеев крупный знаток мелоса и вокала и только ему может быть доверена честь вершить судьбы одаренных артистов? И опять осведомленные люди скептически усмехнулись. Они-то знали, что познания Михаила Александровича в искусстве сводятся к тому, что он твердо усвоил: Рейзен поет, а не играет на скрипке.

Но кто бы знал, как нелегко дается Балакшееву восхождение к высотам искусства, кто бы ведал? Иногда Михаил Александрович боится забыть, как обозначаются ноты. Желая предотвратить неприятный казус, он держит в своем служебном столе список. В нем указаны, какими латинскими буквами обозначаются до, ре, ми, фа, соль, ля и си. Но, видимо, и это наглядное пособие мало прибавляет эрудиции повелителю муз. Может быть, поэтому аккомпаниаторы деликатно отодвигают руку Михаила Александровича, когда он, грациозно присев к роялю, пытается перелестать ноты.

Но никто, однако, не отодвигает руки Балакшеева, когда он рекомендует, как надо развивать концертную деятельность в стране. Никто не в силах преодолеть его руководящего тщеславия. Вот он сочинил умопомрачительный гастрольный план на осень и зиму 1958—1959 года. Впрочем, разве это план? Фейерверк! Сияние имен!

Но вскоре фейерверк погас... Оказалось, что Балакшеев, запланировав выездные выступления видных столичных светил, забыл о таком пустяке, как их согласие... Так что, скажем, иная балерина еще крутит фуэте на сцене театра, а зрители Риги ожидают, что она выступит в тот же вечер перед ними.

Ну, а как же быть с периферийными зрителями, нетерпеливо ожидающими приезда знаменитостей? В этих случаях выручает испытанный административный прием. Срочно посылается приглашение какому-либо свободному от съемок артисту кино явиться к Балакшееву для переговоров. Не проходит и двух дней, как мобилизованный и призванный киноактер уже мчится на повышенной скорости к месту прорыва. Расчет здесь простой. Кино у нас популярно? Популярно. Значит, артист, выступавший в нашумевшем фильме, может дать сбор? Может. Что он будет показывать? А не все ли равно? Припомнит кадры из старого фильма, расскажет два-три анекдота...

С кинематографической быстротой мчатся по стране бригады киноартистов. К примеру, артисты Кулаков, Фричинский, Харитонова дали сто тридцать концертов за сто тридцать два дня. Они проговаривали свой репертуар в таком темпе, что, начав рассказывать увлекательный эпизод из жизни киноприм в Перми, заканчивали его в Хабаровске. Это концертное турне очень напоминало старинный фильм времен раннего Эйзенштейна и позднего Мозжухина: герои бежали сломя голову, дергаясь на ходу от неистового темпа.

Балакшеевские традиции переняли в ВГКО и филармонии. Может быть, поэтому, скажем, профессору Ленинградской консерватории В. Нильсену, прикатившему в Алма-Ату на концерт, местные деятели филармонии учтиво ответили, что прибыл он в такую даль совершенно напрасно — никто не ведал о его приезде. Может быть, поэтому на сцене филармонии в Петропавловске (Казахстан) взамен певцов и музыкантов выступил... медведь. Мишка показал свои дарования во всем блеске, талантливо разыграв единоборство человека с диким животным. Финал этой схватки получился блистательным: репутация филармонии была уложена на обе лопатки.

Пример Балакшеева плодотворно осваивается многими дельцами от искусства. Командующие музами сбиваются с ног, когда их нос учует возможность легкого успеха. Модному эстраднику, выступающему в «западном» стиле, устраивается широковеточная реклама, его окружают нежным вниманием, о его появлении в данном конкретном месте возвещает специальный глашатай из числа самых раторопных и горластых администраторов. Зато крупные артисты со всесоюзными именами, пропагандирующие творчество народов СССР, советское искусство, подчас выступают перед полупустыми залами: администраторам все недосуг организовать рекламу.

В самой маленькой кустарной артели давно уже усвоена простая истина: руководить производством может только просвещенный специалист. Во главе любого цеха стоит инженер, а не провалившийся продавец галантерейного магазина. Почему же на важном участке идеологического фронта, у кормила искусства подвизаются люди, не признающие ничего, кроме коммерции? Вот, кстати, Балакшеев принял командование музами, придя со скамьи авиациониста, едва осилив там первый курс. Впрочем, нынче он преисполнен важности и малодоступен. Он старательно подчеркивает свою дружбу с корифеями, называя Гилельса — Милей и Лемешева — Сереженкой. И он столь же старательно подчеркивает свою неприязнь к артистам, пусть талантливым, но еще не попавшим в «обойму».

Назревает естественный вопрос: а почему все-таки Балакшеев и подобные ему стоят во главе концертных организаций, вершат делами искусства в стране?

Видимо, кое-кому в руководящих инстанциях министерств культуры это удобно. Неспроста же благодетели из Министерства культуры СССР определили Михаилу Александровичу двойной оклад и даже гонорар мастера художественного слова. Заслуги этого незаслуженного деятеля искусств оценены полной мерой.

Да только ли его одного? Вот, скажем, в Министерстве культуры РСФСР наметили коренным образом перестроить систему концертной деятельности. Кому поручить это важное дело? Конечно же, человеку проверенному, испытанному, верному. Таким оказался заместитель начальника Главного управления по делам искусств А. Холодлин, прославившийся популяризацией халтурных ансамблей и солистов и покровительством некоторым нечистоплотным дельцам типа директора Кемеровской филармонии Мовсесяна и других. Незаменимый кадр!

Что могут показать зрителю дельцы типа Балакшеева и Холодлина? Какую радость принесли они взыскательному советскому человеку? Нет, не будет этой радости, доколе с их благословения на подмостках филармоний происходит единоборство медведей и укротителей, доколе из города в город на бешеной скорости мчатся анекдотисты из киностудий и жгучие цыгане из концертных таборов.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
28 АПР 1959